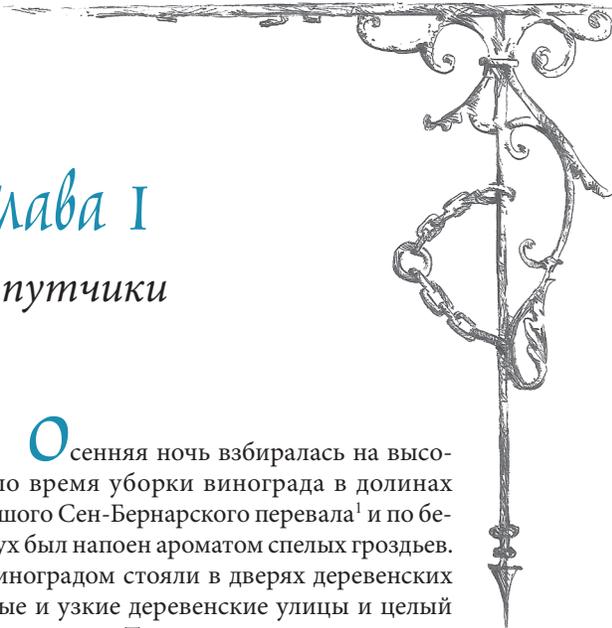

Глава I

Попутчики

Осенняя ночь взбиралась на высочайшие вершины Альп. Было время уборки винограда в долинах на швейцарской стороне Большого Сен-Бернарского перевала¹ и по берегам Женевского озера. Воздух был напоен ароматом спелых гроздьев. Корзины, корыта и ведра с виноградом стояли в дверях деревенских домиков, загораживали крутые и узкие деревенские улицы и целый день двигались по дорогам и тропинкам. То и дело попадались случайно просыпанные и растоптанные ягоды. Плачущим ребятишкам на руках у матерей, возвращавшихся домой с тяжелой ношей на спине, затыкали рты ягодами; местный идиот, гревший на солнышке свой огромный зоб, жевал виноград; дыхание коров и коз отзывалось виноградными листьями и стеблями; в каждой кабачке ели виноград, говорили о винограде, пили виноградное вино. Правда, вино было грубое, терпкое, жесткое!

Воздух был чист и прозрачен весь день. Шпили и купола церквей, разбросанные там и сям, горели на солнце, снежные вершины рисовались так отчетливо, что неопытный путешественник обманывался насчет расстояния и, воображая, что до них рукой подать, начинал считать баснями рассказы о колоссальной высоте этих гор. Знаменитые пики, которых по месяцам не было видно из этих долин, с самого утра отчетливо вырисовывались на голубом небе. И теперь, когда долины оделись мглой и последний румянец заката угас на вершинах, эти белые громады, отступавшие, подобно призракам, готовым исчезнуть, все еще возвышались над туманом и мглой.

С этих одиноких высот и с Большого Сен-Бернара, принадлежавшего к их числу, ночь, взбравшаяся на высоты, казалась подступающим

¹ Большой Сен-Бернарский перевал — перевал в Альпах (высота 2473 м над уровнем моря). В 1049 году епископ Бернар Ментонский из Аосты основал на перевале монастырь и горный приют для путников.

морским приливом. Когда, наконец, она добралась до стен монастыря св. Бернара, его древняя постройка точно поплыла по темным волнам, словно новый ковчег.

Темнота, обогнавшая партию туристов на мулах, подобралась к монастырским стенам, когда путешественники еще поднимались на гору. Как теплота знойного дня, заставлявшая их утолять жажду из ледяных ключей, уступила место пронизывающему холоду разреженного горного воздуха, так и веселая прелесть долины сменилась угрюмым и пустынным ландшафтом. Теперь они шли по обрывистой тропинке, где мулы, выткнувшись длинной вереницей, взбирались с камня на камень, точно по разрушенной лестнице какой-то гигантской руины. Ни деревьев, ни других растений, кроме мелкого буроого мха, мерзнувшего в трещинах скал, не было видно. Почерневшие столбы на дороге указывали своими деревянными руками путь к монастырю, точно призраки прежних путешественников, занесенных снегом и вздумавших посетить места своей гибели. Оледенелые пещеры и ниши, вырубленные в скалах для путников, застигнутых неожиданной метелью, точно шептались об опасности, и снег, страшнейшая опасность гор, поднимался и мчался вниз сухой пылью.

Вереница мулов, утомленных долгим путешествием, медленно извивалась по крутому склону. Переднего вел под уздцы проводник в широкополой шляпе и короткой куртке, с горной палкой на плече, разговаривавший с другим проводником. Путешественники ехали молча. Пронизывающий холод, усталость и новое ощущение перехватывания в горле, напоминавшее отчасти ощущение, которое испытываешь, вынырнув из холодной воды, отбивали охоту разговаривать.

Наконец сквозь туман и снег мелькнул огонек на вершине скалистой лестницы. Проводники закричали на мулов, мулы подняли опущенные головы, у путешественников развязались языки, и среди внезапного оживления — криков, звона колокольчиков, топота, говора — они добрались до монастырских ворот.

Незадолго перед ними явилась другая партия мулов, частью с седоками-крестьянами, частью с поклажей, и превратила снег на площадке у ворот в грязную лужу. Седла и уздечки, вьюки и бубенчики, мулы и люди, фонари, факелы, мешки, вязанки сена, бочонки, круги сыра, кадочки с медом и маслом, всевозможная поклажа скопились в беспорядке среди этого болота и на ступеньках. Все исчезало в тумане и все расплывалось в туман. Люди и животные выдыхали туман, огни были окружены туманным ореолом, говоривший за два шага от вас исчезал в тумане, хотя голоса и все другие звуки раздавались поразительно ясно. В туманной линии мулов, которых торопливо привязывали к кольцам в стенах, происходил иногда переполох: один кушал или лягал другого, и тогда вся эта туманная масса начинала вол-

новаться; мелькали фигуры людей, нырявших в тумане, слышались голоса людей и животных, и никто не мог разобрать, что тут такое творится. В довершение всей этой суматохи большая монастырская конюшня, устроенная в первом этаже, со своей стороны выпускала клубы тумана, как будто во всем этом ветхом здании не было ничего другого, так что, выпустив весь туман, она должна была рассыпаться в прах, оставив после себя лишь голую снежную вершину.

Пока весь этот шум и суматоха происходили среди живых путешественников, в нескольких шагах от них, в домике с решетками, тоже утопавшем в тумане и осыпаемом снежными хлопьями, безмолвно стояли мертвые путешественники, найденные в горах. Мать, погибшая в метель несколько лет тому назад, до сих пор стояла в углу с ребенком на руках; человек, замерзший, стиснув рукой рот от страха или голода, до сих пор, после многих лет, прижимал руку к окоченевшим губам. Зловещая компания, сведенная вместе таинственной судьбой. Могла ли эта мать предвидеть свою страшную участь, могла ли она сказать себе: «Окруженные толпой товарищей, которых мы никогда не видели и никогда не увидим, я и мой ребенок будем стоять вместе и неразлучно на Сен-Бернаре, переживая поколения, которые будут смотреть на нас, но никогда не узнают наших имен, никогда ничего не узнают из нашей истории, кроме ее последней главы»?

Живым путешественникам было теперь не до мертвых. Они думали только как бы поскорее пробраться в монастырские двери и погреться у монастырского огня. Выбравшись из суматохи, которая, впрочем, начинала стихать, так как большая часть мулов была поставлена в конюшню, они спешили, дрожа от холода, по лестнице в монастырскую гостиницу. В гостинице стоял запах конюшни, поднимавшийся из нижнего этажа и напоминавший запах зверинца. Здесь были крепкие сводчатые коридоры, массивные каменные столбы, большие лестницы и толстые стены, прорезанные маленькими окошечками, — укрепления против горных бурь, точно против вражеских армий. Здесь были мрачные спальни, наподобие склепов, холодные, но чистые и прибранные в ожидании гостей. Здесь была, наконец, приемная, она же и столовая для гостей, где уже был накрыт стол и пылал яркий огонь в камине.

В этой комнате вокруг камина собрались путешественники после того, как два молодых монаха показали им отведенные для них комнаты. Всего оказалось три партии; первую, самую многочисленную и потому самую медлительную, перегнала по дороге одна из двух остальных. Эта первая партия состояла из пожилой леди, двух седовласых джентльменов, двух молодых барышень и их брата. Их сопровождали (не считая четырех проводников) курьер, два лакея и две горничные; всю эту неудобную свиту пришлось поместить под той же кровлей. Перегнавшая их партия состояла всего только из одной дамы

и двух джентльменов. Третья, с итальянской стороны прохода, явилась раньше всех и состояла из четырех человек: полнокровного, голодного и молчаливого немца-губернера в очках и трех молодых людей, его питомцев, тоже полнокровных, голодных и в очках.

Эти три группы расселись вокруг камина, недоброжелательно поглядывая друг на друга, в ожидании ужина. Только один из них, джентльмен, принадлежавший к партии из трех лиц, сделал попытку завести разговор. Закидывая удочку руководителю главной партии, но делая вид, что обращается к своим спутникам, он заметил тоном, который показывал, что его замечание относится ко всему обществу, что денек выдался трудный и что он сочувствует дамам. Он опасается, что одна из молодых леди слишком слаба или непривычна к путешествиям и чересчур утомилась. Он заметил, когда ехал позади нее, что она едва держалась в седле от усталости. Он два или три раза справлялся потом у проводника, как она себя чувствует, и с восторгом узнал, что молодая леди оправилась и что недомогание было временное. Он надеется (в эту минуту он поймал взгляд вождя главной партии и обратился к нему), что с его стороны не будет дерзостью выразить надежду, что она теперь чувствует себя хорошо и не раскаивается в своей поездке.

— Благодарю вас, сэр, — отвечал вождь, — моя дочь совершенно оправилась и чрезвычайно интересуется этим путешествием.

— Быть может, впервые в горах? — спросил вкрадчивый путешественник.

— Впервые... кха... в горах, — подтвердил вождь.

— Но вы хорошо знакомы с ними, сэр? — продолжал вкрадчивый путешественник.

— Да... хм... довольно хорошо. Не в последние годы, не в последние годы, — отвечал вождь, сопровождая свои слова величественным мановением руки.

Вкрадчивый путешественник, ответив на этот жест наклоением головы, перешел от вождя к другой барышне, к которой до сих пор обращался лишь в общем замечании о своем сочувствии дамам.

Он выразил надежду, что путешествие не показалось ей слишком неудобным и утомительным.

— Неудобным, да, — отвечала она, — но вовсе не утомительным.

Вкрадчивый путешественник восхитился меткостью ее ответа. Он именно это самое хотел сказать. Без сомнения, дамы должны находить неудобным путешествие на муле.

— Пришлось оставить экипажи и фургон в Мартиньи², — продолжала барышня, державшая себя довольно надменно и сдержан-

² Мартиньи — городок в Швейцарии; расположен на восточном берегу реки Роны, у подножия Швейцарских Альп.

но, — и, разумеется, невозможность захватить с собой все необходимое в это неприступное место представляет большое неудобство.

— Да, дикое место, — заметил вкрадчивый путешественник.

Пожилая дама, туалет которой представлял собой образец совершенства, а манеры сделали бы честь любому автомату, вставила со своей стороны замечание мягким, ровным голосом:

— Но его следует посетить, как и многие другие неудобные места, — сказала она. — Место, о котором столько говорят, необходимо посетить.

— О, я ничего не имею против посещения, могу вас уверить, миссис Джeneral, — отвечала барышня небрежным тоном.

— Вы уже бывали здесь, сударыня? — спросил вкрадчивый путешественник.

— Да, — отвечала миссис Джeneral, — я уже бывала здесь раньше... Позвольте мне посоветовать вам, душа моя, — прибавила она, обращаясь к барышне, — заслониться, защитить ваше лицо от огня; после холодного горного воздуха и снега жар может вредно отозваться на коже. Я и вам посоветую то же, душа моя, — сказала она другой барышне помоложе, которая тотчас же исполнила ее совет.

Старшая, напротив, ограничилась ответом:

— Благодарю вас, миссис Джeneral, я удобно устроилась и предпочитаю оставаться в той же позе.

Ее брат встал со стула, открыл фортепиано, стоявшее в комнате, постучал по клавишам и снова закрыл, затем подошел к камину и расположился спиной к огню, вставив в глаз стеклышко. Он был одет в самый укомплектованный дорожный костюм. Казалось, в мире не хватит мест для такого количества путешествий, какого предполагал этот костюм.

— Однако эти молодцы ужасно копаются с ужином, — промямлил он. — Любопытно знать, чем они угостят нас. Никто не знает, господа?

— Надеюсь, не жареным человеком, — отвечал другой джентльмен из второй партии.

— Разумеется, нет. Что вы хотите сказать? — возразил первый.

— То, что если вы не будете поданы к ужину, то, может быть, со благоволия не поджаривать себя у общего огня.

Молодой человек, расположившийся спиной к огню и действительно напоминавший ошипанного цыпленка, рассердился при этом замечании и хотел потребовать дальнейших объяснений, как вдруг все заметили, что спутница джентльмена из второй партии, молодая и красивая дама, лишилась чувств, опустив голову на его плечо.

— Я отнесу ее в комнату, — сказал он вполголоса и, обращаясь к своему спутнику, заметил: — Будьте добры, позовите кого-нибудь посветить и проводить нас. Я боюсь заблудиться в этой трущобе.

— Позвольте, я позову мою горничную, — воскликнула одна из барышень, повыше ростом.

— Позвольте, я дам ей воды, — сказала барышня поменьше, до сих пор не открывавшая рта.

Обе поспешили привести в исполнение свои слова, так что в помощи не было недостатка. Когда же явились две горничные, помощников оказалось даже слишком много. Заметив это и сказав по этому поводу несколько слов младшей и меньшей ростом барышне, муж лишившейся чувств дамы закинул ее руки себе на шею, поднял ее и унес из общей залы.

Его друг, оставшийся с другими путешественниками, принялся рассказывать взад и вперед по комнате, задумчиво покручивая свои усы и как будто сознавая себя участником недавнего столкновения. Между тем как жертва этого столкновения кипела негодованием в уголке, вождь его племени высокомерно обратился к оставшемуся джентльмену.

— Ваш друг, сэ, — сказал он, — немножко, кха... нетерпелив; и в своем нетерпении, быть может, несколько забывает обязанности... хм... по отношению... Впрочем, оставим это, оставим это. Ваш друг немножко нетерпелив, сэ.

— Может быть, сэ, — отвечал тот. — Но, имея честь познакомиться с моим другом в Женеве, где мы остановились в одном отеле, и продолжив это знакомство в дальнейших экскурсиях, я не считаю себя вправе выслушивать даже от человека вашей наружности и вашего положения, сэ, что-либо осуждающее этого джентльмена.

— Вам не придется выслушивать от меня, сэ, ничего подобного. Я сделал это замечание, так как не сомневаюсь, что мой сын, будучи по рождению и по... кха... по воспитанию... хм... джентльменом, охотно подчинился бы всякому деликатно выраженному желанию насчет камина, которым все члены настоящего кружка, без сомнения, вправе пользоваться в одинаковой степени. В принципе я совершенно... кха... согласен с этим, так как все здесь... хм... равноправны.

— Прекрасно! — ответил тот. — На этом можно и покончить. Я покорнейший слуга вашего сына. Прошу вашего сына принять уверение в моем глубоком уважении. Вместе с тем я соглашаюсь, охотно соглашаюсь, что мой друг бывает иногда несколько саркастичен.

— Молодая дама — жена вашего друга?

— Молодая дама — жена моего друга.

— Она очень хороша собой.

— Сэр, несравненно хороша! Они только недавно обвенчались. Это их свадебная поездка, отчасти, впрочем, с артистическими целями.

— Ваш друг художник, сэ?

Джентльмен вместо ответа поцеловал кончики пальцев и поднял руку, посылая поцелуй к небу, точно хотел сказать: «Поручаю силам небесным этого бессмертного художника!»

— Но хорошей фамилии, — прибавил он. — С большими связями. Он может отречься от этих связей — гордо, нетерпеливо, саркастично (допуская эти выражения); но он их имеет. Я убедился в этом по искрам скрытого огня в его разговоре.

— Да... а! Надеюсь, — сказал высокомерный джентльмен, давая понять всем своим видом, что он считает этот вопрос исчерпанным, — надеюсь, что нездоровье молодой леди не представляет серьезной опасности.

— Я тоже надеюсь, сэр.

— Простая усталость, полагаю.

— Не совсем простая усталость, сэр: ее мул споткнулся, и она свалилась с седла. Она поднялась и вскочила на седло без посторонней помощи, но к вечеру стала жаловаться на легкую боль в боку. Она несколько раз говорила о ней, пока мы поднимались в гору вслед за вами.

Предводитель большой партии, державший себя милостиво, но без фамильярности, нашел, по-видимому, что слишком далеко простер свою снисходительность. Он не сказал ни слова больше, и в течение четверти часа, пока не подали ужин, молчание не нарушалось.

К ужину явился молодой монах (тут, кажется, вовсе не было старых монахов) и занял хозяйское место. Ужин ничем не отличался от обыкновенного ужина в швейцарских гостиницах; не было недостатка в хорошем красном вине из монастырских виноградников, находившихся в более мягком климате. Художник явился, когда все уселись за стол, и спокойно занял свое место, по-видимому совершенно забыв о недавнем столкновении с господином в укомплектованном дорожном костюме.

— Скажите, — спросил он хозяина, принимаясь за суп, — много у вас осталось знаменитых собак?

— Три штуки, сударь.

— Я видел внизу трех собак, вероятно, тех самых.

Хозяин, стройный, смуглый монах с блестящими глазами и учтивыми манерами, в черной рясе с белыми нашивками от пояса до плеч, не более походил на условный тип сенбернарского монаха, чем на условный тип сенбернарской собаки. Он отвечал, что, без сомнения, месье видел тех самых собак.

— Мне кажется, — продолжал художник, — будто я уже видел одну из них раньше.

— Весьма возможно. Это известная собака. Месье мог видеть ее в долине или где-нибудь на берегу озера, когда она ходила с кем-нибудь из братьев собирать пожертвования на монастырь.

— Это делается регулярно в известное время года, если не ошибаюсь?

— Месье не ошибается.

— И эти сборы никогда не производятся без собаки. Собака играет очень важную роль.

— И в этом отношении месье совершенно прав. Собака играет очень важную роль. Все интересуются этой собакой. Она пользуется громкой славой; быть может, и вы, мадмуазель, слышали о ней?

Мадмуазель не торопилась ответить на этот вопрос, как будто еще не вполне освоилась с французским языком. Впрочем, миссис Дженерал ответила за нее утвердительно.

— Спросите, много людей она спасла? — сказал ей по-английски молодой человек, имевший столкновение с художником.

Монах не нуждался в переводе этого вопроса; он тотчас ответил по-французски:

— Ни одного.

— Почему? — спросил тот же молодой человек.

— Что прикажете делать, — отвечал хозяин. — Предоставьте ей случай, и она, без сомнения, им воспользуется. Например, я убежден, — прибавил он с улыбкой, передавая гостям нарезанную телятину, — что если бы вы предоставили ей случай, она с величайшей охотой исполнила бы свой долг.

Художник засмеялся. Вкрадчивый путешественник (который обнаружил предусмотрительную заботу о размерах своей порции ужина), отерев кусочком хлеба капли вина, повисшие на усах, вмешался в разговор.

— Для туристов теперь уже позднее время года, — сказал он, — не правда ли, отец мой?

— Да, позднее. Еще две-три недели — и мы останемся одни с зимними вьюгами.

— И тогда, — продолжал вкрадчивый путешественник, — наступит время для откапывания собаками замерзших детей, как это рисуют на картинках?

— Виноват, — сказал хозяин, не поняв намека, — как это: откапывания собаками замерзших детей?

Художник вмешался в разговор, не дав ответить своему спутнику.

— Разве вы не знаете, — холодно спросил он, обращаясь к нему через стол, — что зимой сюда заглядывают только контрабандисты?

— Святые небеса! Нет, в первый раз слышу.

— Наверное. А так как они хорошо знают признаки погоды, то доставляют очень мало работы собакам, которым остается только вымирать, хотя у них здесь хороший приют. Детей же своих контрабандисты, насколько мне известно, оставляют дома. Но какая грандиозная

идея! — воскликнул он с неожиданным пафосом. — Великолепная идея! Прекраснейшая идея в мире, способная вызвать слезы на глаза человека, клянусь Юпитером!

Сказав это, он спокойно принялся за свою телятину.

Какая-то насмешливая непоследовательность этой речи производила довольно неприятное впечатление, хотя манеры путешественника отличались изяществом, наружность — привлекательностью, а ирония была замаскирована так ловко и голос звучал так просто и непринужденно, что человеку, не вполне освоившемуся с английским языком, трудно было понять насмешку или, даже поняв, найти повод к обиде. Покончив с телятиной среди общего молчания, оратор снова обратился к своему другу.

— Взгляните, — сказал он тем же тоном, — на этого джентльмена, нашего хозяина, который так юн и тем не менее так изящен и с таким скромным достоинством, с такой чисто придворной вежливостью выполняет обязанности хозяина. Просто королевские манеры! Ступайте на обед к лорду-мэру в Лондоне (если удастся получить приглашение) — вы не встретите там ничего подобного. Этот милый человек с прекраснейшими чертами лица, какие мне только случалось видеть, — истинная находка для художника, — бросает свою трудовую жизнь и забирается не знаю на сколько футов высоты над уровнем моря, с единственной целью (исключая удовольствие, которое может доставить ему самому роскошная трапеза) угощать таких праздных путников, как мы с вами, предоставляя плату на нашу совесть. Какая высокая жертва! Неужели она не тронет нас? Неужели мы станем говорить с пренебрежением об этом месте только потому, что умнейшие из собак с деревянными флажками на шее не спасают от гибели людей в течение восьми или девяти месяцев в году? Нет. Благословим это учреждение! Великое учреждение, святое учреждение!

Грудь седовласого господина, вождя многочисленного племени, вздымалась, точно протестуя против причисления ее обладателя к праздным путникам. Как только художник замолчал, он заговорил с большим достоинством, как человек, привыкший руководить обществом и только на минуту забывший о своей обязанности.

Он с важностью заметил хозяину, что зимой, должно быть, скучно жить в этом месте.

Хозяин ответил, что действительно жизнь здесь страдает некоторым однообразием. Трудно дышать разреженным воздухом, холод жестокий. Нужно быть молодым и здоровым, чтобы выносить эту жизнь. Но, обладая молодостью и здоровьем, он с божьей помощью...

— Да, да, конечно. Но жизнь в заточении? — сказал седовласый господин.

— Очень часто выдаются дни даже при дурной погоде, когда можно выходить на прогулку. Зимой монахи прокапывают тропинки в снегу и пользуются ими для моциона.

— Но пространство? — настаивал седовласый джентльмен. — Такое тесное, такое... кха... ограниченное пространство!

— Месье, быть может, не знает, что они посещают зимой убежища и прокладывают к ним дорожки.

Месье все-таки настаивал, что, с другой стороны, пространство так... кха... хм... ограничено. Мало того — вечно одно и то же, вечно одно и то же.

Хозяин слегка улыбнулся и слегка пожал плечами.

— Это правда, — заметил он, — но почти всякую вещь можно рассматривать с различных точек зрения. Он и месье, очевидно, смотрят на эту однообразную жизнь не с одинаковой точки зрения. Месье не привык жить в заточении.

— Я... кха... да, разумеется, — отвечал седовласый господин. Кажалось, этот аргумент поразил его до глубины души.

— Месье пользуется всеми средствами, которые могут сделать путешествие приятным; без сомнения, обладает состоянием, экипажами, слугами...

— Конечно, конечно, без сомнения, — подтвердил седовласый господин.

— Месье, конечно, не может представить себя в положении человека, для которого нет выбора, который не может сказать себе: завтра я отправлюсь туда-то, а послезавтра — туда-то, перейду эту преграду, расширю эти пределы. Месье вряд ли может представить себе, до чего дух способен приспособляться к обстоятельствам в силу необходимости.

— Вы правы, — сказал месье. — Мы... кха... оставим эту тему. Вы... хм... без сомнения, совершенно правы. Не будем больше говорить.

Ужин в это время кончился; он встал из-за стола и вернулся к своему прежнему месту у огня. Так как было холодно, то и другие гости вернулись на прежние места перед камином, чтобы хорошенько погреться, прежде чем лечь спать. Хозяин поклонился гостям, пожелал им спокойной ночи и ушел. Но сначала вкрадчивый путешественник спросил его, нельзя ли им получить теплого вина, и когда хозяин отвечал утвердительно и вскоре затем прислал вино, путешественник, сидевший как раз перед камином, в центре группы, принялся угощать остальных.

В это время младшая из двух барышень, молчаливо сидевшая в своем темном уголке (комната освещалась, главным образом, камином, потому что лампа дымила и чуть мерцала), незаметно выскользнула из комнаты. Тихонько затворив за собой дверь, она остановилась в нерешительности; но после некоторого колебания, какую дорогу

выбрать в лабиринте коридоров, пробралась в угловую комнату главной галереи, где собрались за ужином слуги. Тут ей дали лампу и указали, как пройти в комнату заболевшей леди.

Комната выходила на большую лестницу в верхнем этаже. В голых белых стенах виднелись местами железные решетки, так что в общем здание производило на нее впечатление тюрьмы. Полукруглая дверь в комнату или келью больной была приотворена. Постучав раза два или три и не получив ответа, она тихонько отворила дверь и заглянула в комнату.

Леди лежала с закрытыми глазами на постели, укутанная одеялами и пледами, которыми накрыли ее, когда она очнулась от обморока. Тусклый ночник в глубокой нише окна слабо освещал комнату. Посетительница робко подошла к кровати и шепнула чуть слышно:

— Как вы себя чувствуете?

Леди спала, и едва слышный шепот не разбудил ее. Посетительница внимательно смотрела на нее.

— Очень хороша, — сказала она почти про себя. — Я еще не встречала такого прекрасного лица. О, совсем не похожа на меня!

В этих странных словах был какой-то скрытый смысл, потому что глаза ее наполнились слезами.

— Я знаю, что это она. Я знаю, что он говорил о ней в тот вечер. Я могла бы ошибиться во всем остальном, но не в этом, не в этом.

Она тихонько и нежно поправила разметавшиеся волосы спавшей и прикоснулась к руке, лежавшей на одеяле.

— Мне приятно смотреть на нее, — продолжала она едва слышно. — Мне приятно смотреть на ту, которая так поразила его сердце.

Она не отняла руки, когда больная открыла глаза и слегка вздрогнула.

— Пожалуйста, не тревожьтесь. Я одна из ваших спутниц по путешествию и зашла спросить, как вы себя чувствуете и не могу ли я сделать что-нибудь для вас?

— Вы, кажется, уже были так любезны, что прислали мне свою горничную.

— Нет, это моя сестра. Лучше ли вам?

— Гораздо лучше. Я только слегка ушиблась, но теперь почти совершенно оправилась. У меня как-то разом закружилась голова. Сначала я переносила боль легко, но потом сразу лишилась чувств.

— Могу я остаться с вами, пока кто-нибудь не придет? Хотите?

— Я была бы очень рада, так как чувствую себя здесь одинокой; но вы озябнете.

— Я не боюсь холода. Я гораздо выносливее, чем кажусь.

Она быстро подвинула к кровати стул и села. Больная так же быстро накинула на нее плед и, придерживая его, обвила рукой ее шею.

— Вы так похожи на добрую, ласковую няню, — сказала она с улыбкой, — что мне все кажется, будто вы приехали со мной из дома.

— Мне очень приятно слышать это.

— Я сейчас видела во сне мой дом. Мой старый дом, где я жила до замужества.

— И откуда раньше не уезжали так далеко?

— Мне случалось уезжать из него гораздо дальше, чем теперь; но со мной были мои родные. Теперь, лежа здесь, я чувствовала себя одинокой и, когда заснула, перенеслась к ним.

Голос ее звучал какой-то грустной нежностью и раскаянием, так что гостья старалась не смотреть на нее в эту минуту.

— Странно, что судьба свела нас вместе, да еще так тесно, под одним пледом, — сказала она, помолчав, — ведь я уже давно ищу случая увидеть вас.

— Ищете случая увидеть меня?

— Да, у меня есть письмо, которое я должна передать вам в случае встречи. Вот оно. Или я очень ошибаюсь, или оно адресовано вам. Не правда ли?

Молодая дама взяла его, сказала «да» и прочла. Гостья следила за ней во время чтения. Письмо было очень коротенькое. Прочитав, она слегка покраснела и, прикоснувшись губами к щеке гостьи, пожала ей руку.

— В письме сказано, что милая молодая подруга, которую оно мне рекомендует, может оказаться для меня истинным утешением. Она с первой же встречи оказывается для меня утешением.

— Может быть, вы не знаете, — сказала гостья нерешительно, — может быть, вы не знаете моей истории? Может быть, вам никогда не рассказывали моей истории?

— Нет.

— Конечно, он не рассказывал. Я не знаю, вправе ли я сама рассказать ее, так как меня просили не делать этого. Это очень простая история, но, может быть, она объяснит вам, почему я буду просить вас не рассказывать здесь об этом письме. Не знаю, обратили ли вы внимание на то, что я здесь с родными. Некоторые из них немножко горды, немножко высокомерны.

— Возьмите его обратно, — сказала дама, — и тогда мой муж, конечно, не увидит его. Иначе оно может попасться ему как-нибудь случайно, и он, пожалуй, проговорится. Возьмите его, спрячьте у себя.

Гостья заботливо спрятала его на груди. Ее маленькая, тоненькая рука еще держала письмо, когда за дверью в галерее послышались шаги.

— Я обещала, — сказала гостья, вставая, — написать ему, когда увижу вас (я непременно должна была встретиться с вами рано или

поздно), и сообщить ему, здоровы ли вы и счастливы ли. Я напишу, что вы счастливы и здоровы.

— Да, да, да. Напишите, что я совершенно здорова и очень счастлива. И что я благодарю его от души и никогда не забуду его.

— Я еще увижусь с вами утром. И мы, наверное, еще будем встречаться. Покойной ночи.

— Покойной ночи. Благодарю, благодарю вас. Покойной ночи, милочка.

Они торопливо простились, и гостя вышла из комнаты. В галерее она ожидала встретить мужа молодой дамы, но вместо него оказался тот самый путешественник, который вытирал капли вина с усов кусочком хлеба. Услышав за собой шаги, он круто повернулся. Изысканная вежливость этого господина заставила его предложить барышне свои услуги. Он взял у нее лампу и, стараясь освещать перед ней ступеньки, проводил ее до общей залы. Она шла, тщетно стараясь скрыть смущение и робость, так как его наружность производила на нее крайне неприятное впечатление. Перед ужином, сидя в своем темном уголке, она невольно думала о нем, воображая его в своей прежней знакомой обстановке, среди знакомых сцен и людей, и в конце концов почувствовала к нему отвращение, доходившее до ужаса.

Он со своей сладкой улыбкой проводил ее по лестнице в залу и уселся по-прежнему на лучшем месте, против камина. Догоравшие дрова то озаряли, вспыхивая, его лицо, то снова гасли, между тем как он грелся, вытянув ноги к огню, попивая теплое вино и отбрасывая на стену зловещую черную тень, которая передразнивала все его движения.

Усталая компания разошлась, остались только он да седовласый джентльмен с дочерью. Последний дремал в кресле у камина. Вкрадчивый путешественник отправился наверх в свою спальню и принес оттуда фляжку с водкой. Вылив ее в вино, он выпил эту смесь с особенным удовольствием.

— Смею спросить, сэр, вы едете в Италию?

Седовласый джентльмен в это время встал, собираясь уходить. Он отвечал утвердительно.

— Я тоже, — сказал путешественник. — Не теряю надежды, что удостоюсь чести засвидетельствовать вам свое почтение в более приятной местности, чем эта угрюмая гора.

Джентльмен поклонился довольно надменно и поблагодарил за любезность.

— Мы, бедные джентльмены, сэр, — сказал путешественник, вытирая пальцами усы, замоченные водкой и вином, — мы, бедные джентльмены, не можем путешествовать как принцы, но это не мешает нам ценить изящество и утонченность. Ваше здоровье, сэр!

— Сэр, благодарю вас.

— Здоровье вашего почтенного семейства — прекрасных леди, ваших дочерей!

— Сэр, еще раз благодарю вас. Позвольте пожелать вам покойной ночи... Душа моя, дожидаются ли нас наши... кха... наши люди?

— Да, отец.

— Позвольте мне, — сказал путешественник, вставая и распахнув дверь перед седовласым джентльменом, который направлялся к ней под руку с дочерью. — Покойной ночи. До приятного свидания. До завтра!

Он поцеловал кончики пальцев, с изящнейшим жестом и сладчайшей улыбкой, а молодая девушка прижалась поближе к отцу, стараясь не прикоснуться мимоходом к незнакомцу.

— Хм... — сказал вкрадчивый путешественник, изящество которого исчезло и голос потерял нежный оттенок, как только он остался один. — Все отправились спать, неужели и мне отправляться? Они чертовски спешат. В этой ледяной, мрачной пустыне ночь покажется бесконечной, если даже улечься двумя часами позднее.

Допивая стакан, он запрокинул голову и увидел книгу для записывания туристов, лежавшую на фортепиано. Книга была открыта, и около нее находились перья и чернильница, как будто путешественники только что расписались.

Взяв книгу, он прочитал следующие имена:

Вильям Доррит, эсквайр

Фредерик Доррит, эсквайр

Эдуард Доррит, эсквайр

Мисс Доррит, с прислугой

Мисс Эми Доррит, с прислугой

Миссис Дженерал

Из Франции в Италию

Мистер и миссис Гоуэн

Из Франции в Италию

К этому списку он прибавил мелким кудреватым почерком с длинным росчерком, который точно аркан охватил все остальные имена:

Бландуа. Париж

Из Франции в Италию

Нос его опустился над усами, а усы поднялись под носом, после чего он отправился в свой номер.